

ПУСТОТА.

ИСПОВЕДЬ ПСИХОПАТКИ

КСЕНИЯ ВОЛКОВА

Ксения Волкова

Пустота. Исповедь психопатки.

«Автор»

2026

Волкова К.

Пустота. Исповедь психопатки. / К. Волкова — «Автор», 2026

Я наконец решилась написать о себе. Не о психопате из кино и не о несчастной девочке, которую к финалу спасут любовь и терапия. О себе: о жизни почти без чувства вины и жалости, о манипуляциях, чужих слабостях и привязанностях, которые я умею использовать. И о Пустоте, которую приходится постоянно чем-то заполнять. Вы, возможно, не подозреваете, насколько близко могут оказаться такие люди. Они могут работать рядом, дружить с вами, жить в одной квартире и спать в одной постели. И совсем не обязательно выглядеть опасными. Контроль легко принять за заботу, давление за любовь, а рассчитанное воздействие за взаимопонимание. Эта книга не научит ставить диагнозы. Но, возможно, поможет раньше заметить некоторые механизмы манипуляции и защитить свои границы. Я не собираюсь доказывать, что психопатка на самом деле добрая. Это исповедь без покаяния и взгляд изнутри головы человека, который устроен иначе. Насколько хорошо вы знаете того, кто сейчас рядом?

© Волкова К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Комната с выключенным светом	5
Глава 2. Чистое электричество: чем питается зверь	11
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Ксения Волкова

Пустота. Исповедь психопатки.

Глава 1. Комната с выключенным светом

Тринадцатого февраля две тысячи двадцать шестого года я завела телеграм-канал с дурацким названием «Мир Ксюши без Эмоций». Мне тогда было еще девятнадцать. Вернее ровно девятнадцать с половиной.

А в первых числах того же февраля я похоронила подругу.

Ее убили.

Слово «подруга» мне до сих пор физически хочется взять в жирные кавычки. В дружбу я не верю — во всяком случае, в ту приторную сказку о бескорыстном самопожертвовании, которую общество привыкло продавать в мягких обложках. Но с ней всё было иначе. Мы учились на одном курсе, проводили вместе дни напролет, мотались друг к другу в гости. Я знала ее родителей, пила с ними чай на тесной кухне. Мы сблизились сразу после того, как я вернулась из Штатов и поступила в универ.

Она была идеальной домашней девочкой: светлой, правильной, доброй, категорически не умеющей делать гадости. Моя полная, абсолютная противоположность. И при этом рядом с ней мне почему-то было спокойно.

Мой человек. Моя стая. Я просто привыкла, что она есть, и хотела, чтобы она была там дальше. В какой-то момент мне даже почудилось, будто внутри у меня начинает что-то тихонько оттаивать. Дурацкое, неправильное слово, но ничего точнее я тогда не подобрала. Это не оформлялось в понятную эмоцию, которую можно аккуратно препарировать и положить на полку. Просто факт: рядом с ней привычная броня начинала слегка проседать.

А потом какая-то тварь подошла и забрала ее. Взяла и вычеркнула живого человека. Отняла моё. Распорядилась чужой жизнью и выдрала огромный кусок моей собственной. Грубо, нагло и даже не потрудившись спросить разрешения.

Вас наверняка уже передернуло от этого «моё»? Человек лежит в гробу, а циничная девица рассуждает так, будто у нее средь бела дня угнали машину.

Я отлично слышу и понимаю, как это звучит со стороны. При желании я могла бы прямо сейчас выкатить вам десяток правильных, социально одобряемых формулировок с приличной дозой скорбного сиропа, чтобы вы понимающе вздохнули и погладили меня по голове. Только на кой черт? Начинать книгу с привычного перевода своих мыслей на чужой язык занятие бессмысленное. Этой маскировкой я и без того сыта по горло в реале.

Правда выглядела проще. Мне до судорог хотелось вернуть ее назад. И мне бешено, до скрипа в зубах хотелось уничтожить того, кто это сделал. Меня разрывало от ярости из-за того, что кто-то посмел вломиться на мою территорию и оставить после себя дыру, которую я физически не способна заделать.

Канал родился именно из этого тупого бешенства. Внутри клокотала гремучая смесь боли и агрессии, требовалось срочно слить кипящую смолу, пока она не прожгла дыру в черепе. Мне безумно хотелось кого-нибудь убить. Проблема заключалась лишь в том, что тогда я еще понятия не имела, кому именно сворачивать шею.

Первые тексты вышли соответствующими: злыми, ядовитыми, с такой температурой в топке, от которой плавятся датчики. Я перечитываю их сегодня и криво ухмыляюсь, но тогда для меня это было единственной рабочей оптикой. Я была уверена, что блог сдохнет через пару недель. Но люди неожиданно стали задерживаться. Завязались споры, полетели коммен-

тарии, черновики начали складываться в главы. То, что задумывалось как аварийный клапан для сброса пара, внезапно пустило корни и заняло прочное место в расписании.

Меня зовут Ксения. Сейчас мне двадцать лет, и в моем диагнозе значатся три малопривлекательные буквы: ДРЛ. Диссоциальное расстройство личности. Старое, нетолерантное слово «психопатка» вам, скорее всего, понятнее.

При этом диагнозе обывательское воображение услужливо рисует кинематографического упыря с безумным оскалом и бензопилой наперевес, выслеживающего жертв по темным закоулкам. Картинка сочная, но идиотская. Бензопила тяжелая, воняет бензином и оставляет слишком много следов.

В жизни все куда скучнее: симпатичная студентка, хорошая одежда, ровный голос, широкий круг общения, подвешенный язык. Для абсолютного большинства знакомых я - свой в доску человек, чуть язвительный, но абсолютно нормальный. Я вложила в этот фасад тонны времени и сил. Если мы с вами случайно столкнемся за столиком в кофейне, вы наверняка сочтете меня легкой, обаятельной и чертовски интересной собеседницей. Мне даже напрягаться не придется: достаточно за пару минут прикинуть, какие блюда предпочитает ваше эго.

А теперь вернитесь на пару абзацев назад. Там черным по-русски написаны слова «боль» и «оттаивать». Канал при этом называется «Мир Ксюши без Эмоций».

Уже потираете руки? Хочется победно ткнуть пальцем в страницу: «Ага, попалась! Эмоции! Сама себе противоречит! Обычная позерка, начиталась умных книжек, придумала себе образ роковой социопатки, а внутри подростковый бунт и обычная раненая девочка?»

Знаю я этот цирк. Стоит упомянуть хотя бы одно человеческое проявление, как из всех щелей вылезают сердобольные граждане с готовым диагнозом: мол, всё с тобой в порядке, Ксюшенька, ты просто травмирована злым миром, сейчас мы тебя согреем и вылечим.

Спасибо, консилиум объявляется закрытым, можете расходиться по палатам.

Эмоции у меня есть. Кое-какой базовый комплект на складе все-таки выдали: холодную злость, азарт преследования, тупое животное удовлетворение от победы. Кайф от вдавливания педали газа в пол, когда стрелка спидометра ложится вправо. Раздражение — о, этого добра у меня хватит, чтобы затопить пару микрорайонов. Название канала не означает, что внутри меня шумит абсолютный вакуум.

Но огромного пласта того, что нормальные люди считают фундаментом личности, в моей комплектации нет.

Чувство вины? Не завезли. Жалость? Мимо. Сострадание? Ни единого грамма. Тот тихий, занудный внутренний голосок, который у вас принято величать совестью — отключен на аппаратном уровне. Любовь в ее романтическом понимании — пустой звук.

Я прекрасно знаю правильные слова. Знаю, какие физиономии полагается корчить на похоронах, а какие на свадьбах. Могу с идеальной точностью описать, что сейчас творится в чужой черепной коробке. Описать — да. Но почувствовать то же самое?

С тем же успехом можно часами читать лекции о синеве весеннего неба человеку, который родился слепым. Он вызубрит длину волны, научится к месту вворачивать изящные эпитеты и даже сдаст экзамен по оптике на «отлично». Но синего цвета он от этого так и не увидит. Я говорю исключительно о себе и своем мониторе. Выписывать коллективные справки всем носителям аналогичного диагноза я не нанималась.

С потерей подруги эта слепота сыграла скверную шутку. Я годами укладывала человеческие связи в уютную формулу: выгода, баланс, взаимный бартер, удобство. А потом человека вычеркнули из уравнения и тут формула дала сбой.

Если это была всего лишь потеря полезного инструмента, с чего бы мне неделями выть от бешенства и строчить тексты в пустой канал? Инструмент заменяем. Источник ресурса можно переподключить за пару недель. А злость не исчезала. Обратно в стройную концепцию холод-

ного прагматизма этот факт не влезал ни под каким соусом. И вычеркнуть его из биографии только ради того, чтобы не портить портрет неуязвимого терминатора, было бы трусостью.

Только не спешите радоваться и записывать меня в свои ряды. Натягивать сову на глобус и торжественно объявлять: «вот видишь, Ксения, ты любила ее, просто боялась себе признаться!» - не надо. Мне всегда было любопытно: откуда у людей эта маниакальная тяга наклеить на любое чужое движение знакомый ярлык? Как будто если не назвать вещь словом из вашего словаря, она перестает существовать. Словно потерять близкого человека разрешается строго по утвержденному ГОСТу, с заламыванием рук, слезами, соплями и полным набором сентиментальных банальностей.

В детстве меня жутко бесило, что я сломана. Другим детям, судя по всему, не требовалось специально разбираться, насколько надо обидеться, когда заплакать и каким лицом встречать подарок. У них это вылетало на автомате. Мне приходилось сидеть в засаде, сканировать чужие лица и раскладывать чужие повадки на алгоритмы.

Пара дежурных затрепанных от матери и прилетевшее в спину дворовое: «Ты че, больная уродка?» быстро объяснили пользу качественной маскировки.

А позже выяснилась занятная деталь: если научиться сознательно выбирать реакцию, ты получаешь колоссальную фору. Пока нормальный человек беспомощно барахтается в собственном эмоциональном припадке, я спокойно стою на берегу и прикидываю: что именно его задело, куда тянется ниточка и как дернуть за нее так, чтобы он сплясал нужный мне танец.

Свою прошивку я трагедией не считаю. Мне искренне нравится, что я избавлена от привычки часами заниматься самоедством только потому, что некий поступок в обществе сочли некрасивым. Ошиблась? Процессор мгновенно запускает калькуляцию: цена ущерба, процент потерь, оптимальный маршрут исправления бага. Сесть на диван и сладострастно посыпать голову пеплом за то, что уже сделано? Еще чего, это чистый перерасход ресурса при нулевом КПД.

Когда морализаторы с надрывом цедят: «Тебе должно быть стыдно!», меня разбирает смех. Кому должно? Вам? Чтобы ваша хрупкая картина мира не треснула по швам? Допускаю. Но внутри моей черепной коробки от этих заклинаний не загорается ни одна лампочка.

Чужие слезы я вижу кристально четко. Понимаю повод, фиксирую сбивающееся дыхание, вижу, где человек переживает, а где выбивает из публики нужную реакцию. Иногда это забавно, иногда вызывает глухое раздражение, особенно если балаган затягивается, а зритель в первом ряду упорно требует от меня деятельного сочувствия.

Подыграть несложно. Мягкая полуулыбка, приглушенный тембр, внимательный наклон головы, пара дежурных фраз о том, как несправедлив этот мир. При этом объект может уйти от меня совершенно счастливым и уверенным, что встретил очень понимающего человека. А я с облегчением выдыхаю: цирк уехал, можно смыть грим.

Цинично? В реальной жизни это выглядит куда обаятельнее. Вы ведь видите только витрину: живой взгляд, приятный голос, выверенные жесты. Чертежи и сметы к разговору не прилагаются. Если мне зачем-то понадобится вам понравиться, я сделаю это виртуозно. Для этого совершенно не требуется испытывать к вам трепетные чувства. Достаточно понимать, чего вы панически боитесь и какую сказку о себе мечтаете услышать.

В основном я смотрю на людей сугубо утилитарно. Что с этим объектом можно сделать? Договориться? Выкачать ресурс? Использовать как таран? Интересно скоротать вечер? Или аккуратно обойти по широкой дуге, потому что выхлоп копеечный, а шума не оберешься?

Сравнение с неигровыми персонажами в компьютерной игре здесь подходит идеально. У каждого NPC свои алгоритмы, траектория, свои реплики в диалоговом окне и свои триггеры. Я могу часами препарировать чужую психику с азартом исследователя, оставаясь абсолютно равнодушной к судьбе подопытного. Чем точнее я понимаю устройство механизма, тем шире

выбор клавиш. А то, что подопытный кролик принимает холодный расчет за некую «глубокую душевную связь», исключительно его личные половые трудности.

Мне нравится чувствовать себя умнее. Нравится видеть чужой маршрут на три перекрестка вперед, пока сам пешеход свято уверен в своей непредсказуемости и свободе воли. Я смотрю на человеческую суету сверху вниз и нахожу ее чертовски нелепой. Навешивать сюда ложную скромность я не собираюсь. Высокомерия во мне вагон. А желания упаковывать его в вежливые извинения нет вовсе.

Правда, за этот спектакль приходится платить. Таскать на себе фасад сутками напролет — адски утомительная работа. Особенно в те моменты, когда внутри уже закипает глухое бешенство, а сценарий требует продолжать изображать ласковую чуткость. После таких смен мечтаешь только об одном: чтобы зрители заткнулись, собрали манатки и вымелись вон. Чтобы можно было наконец расслабить лицевые мышцы, выключить контроль за интонациями и не слушать чужую муть. Иногда под вечер ловишь себя на мысли, что отпахала полноценный бенефис в провинциальном ТЮЗе, хотя со стороны — просто поболтала с однокурсниками в курилке.

Я могу быть душой компании, сыпать шутками, держать внимание зала — и при этом оставаться абсолютно, оглушительно чужой для всех присутствующих. Никакого трагизма, меня никто не выгоняет на мороз. Я сама сижу в центре круга. Но общего тока нет.

Представьте, что вы пришли на чужую шумную свадьбу абсолютно трезвым. Вокруг вас народ уже пять часов заливается водкой, падает лицом в салат, рыдает от умиления, лезет брататься и клянется друг другу в любви до гроба. А вам просто скучно. Вам хочется найти, где лежат нормальные тарталетки, и чтобы дебил с микрофоном перестал орать в ухо. Вы видите их пьяный экстаз, понимаете, что для них это чистая монета, но разделить этот балаган физически не способны.

Я называю это одиночеством хищника. Звучит пафосно, спору нет, зато отлично чешет самолюбие и не содержит сопливой мольбы о снисхождении. Но если содрать красивую обертку, на столе останется простая истина: я могу жить среди людей, выстраивать с ними идеальные схемы и не получать от факта нашего взаимодействия ни капли тепла. Чужое присутствие не греет.

Потому что внутри почти всегда темно.

Мне проще представить ее как черную звуконепроницаемую комнату. В ней можно двигаться, можно производить расчеты, чертить графики и решать уравнения. Процессор пашет без сбоев. Но сколько бы формул ты ни крутил в темноте, свет в комнате от этого не загорится.

Можно часами доказывать себе, что за окном отличная погода, сессия закрыта, деньги на карте есть и поводов для грусти ноль целых, ноль десятых. В комнате ничего не изменится. И для этой тишины не нужны трагедии или похороны. Она существует сама по себе, как заводская настройка.

Иногда в этой темноте вспыхивает магний. Меня кто-то разозлил. Подвернулась сложная, почти невыполнимая задача. Включился азарт охоты. Или стрелка спидометра подползает к отметке триста, и мир перед капотом сжался в светящийся туннель.

Вот тогда рубильник щелкает. Комната озаряется яростным белым светом. Я включаюсь на полную мощность, чувствую каждый мускул и понимаю: жива, черт возьми, это кайф!

А потом цель достигнута. Сделка закрыта. Машина припаркована. Вспышка гаснет за пару секунд, дым оседает, и я снова остаюсь в крошечной тьме. Память о вчерашнем триумфе греет не лучше прошлогоднего костра: факт ты помнишь, но пальцы коченеют прямо сейчас.

У этой темноты есть бесспорные плюсы. Тот эмоциональный напад, которым нормальные люди ежедневно выжигают друг другу нервы, до меня просто не долетает. Чужой виной меня не прошибешь, на слезливую жалость не поймаешь. Я долго считала эту пустоту персональным титановым экзоскелетом. Отчасти считаю и сейчас.

Но называть себя неуязвимой машиной - дешевый самообман. Злость на месте. Амбиции на месте. И история, с которой началась эта глава, лучше любых манифестов доказывает: дернуть меня за живое вполне реально. Тот, кому вообще ничего не нужно от мира, сидел бы в абсолютной безопасности. Мне же от этого мира нужно слишком многое.

В том числе — банальная реакция на эти строчки. Можно сколько угодно плевать в сторону стадной потребности в одобрении, а потом обновлять страницу блога и ловить взглядом чужие комментарии. Я прекрасно вижу этот баг в своей системе. Замазывать его фальшивым безразличием я не стану, хотя придумать красивое рациональное объяснение для меня дело двух минут.

И вот с такой кривой логикой я выхожу к вам разговаривать о любви, преданности, морали и долге.

У любого вменяемого читателя тут же созреет логичный вопрос: а какого хрена? Что вообще может понимать в этих вещах человек, у которого внутри выжженное поле?

О том, как эти концепции бурлят в вашей биохимии, я действительно знаю только по приборам. Зато я чертовски внимательно наблюдаю за тем, что вы вытворяете, прикрываясь этими красивыми знаменами. И дистанция между вашими возвышенными манифестами и реальными поступками порой оказывается настолько чудовищной, что мне становится искренне интересно: как эта шизофрения вообще удерживается в одной голове?

Меня легко заклеймить бесчувственной тварью. Принято, спорить не стану. Любить так, как велят классики, я не умею.

А вы? Вы-то сами — умеете?

Что конкретно вы прячете под вывеской «любви»? Где заканчивается ваше трепетное чувство и начинается наглое, хамское желание переломать близкого через колено, заставив плясать под свою дудку?

Когда я говорю: «Мне так выгодно», общество брезгливо морщится: цинизм! Когда вы с придыханием объявляете: «Я же добра тебе желаю!», спрашивать жертву о ее планах уже считается моветоном. Выдача насилия за заботу ваш коронный трюк. И мне до усрачки любопытна эта двойная бухгалтерия: пока подопытный задыхается от удушья, белое пальто благодетеля сияет первозданной чистотой.

Среди вас попадаются настоящие. У меня была подруга, которую я без тени иронии считала доброй и светлой. Поэтому заявлять вот так безапелляционно, что абсолютно все кругом лицемеры и фальшивки, я не стану даже на первых страницах. Я помню ее.

Но само по себе наличие у вас тонкой душевной организации меня не впечатляет ни на грош. Мне куда интереснее смотреть, как вы используете этот ресурс. И почему вы свято уверены, что он дает вам право смотреть на меня сверху вниз. Стоя на пьедестале, конечно, безумно удобно препарировать чужие пороки. Собственная грязь под ногами оттуда не так бросается в глаза.

Я тоже намерена смотреть пристально. Иногда предвзято. Иногда сквозь зубы. Иногда с откровенным садистским удовольствием тыкая пальцем прямо в открытые переломы чужого лицемерия.

Заслуживать пропуск в клуб «хороших людей» я не планирую — мне ваша песочница даром не сдалась. И если вы открыли эту исповедь в надежде, что к финальной главе заблудшая овечка все осознает, зальется горькими слезами раскаяния и попросит у зала прощения за свой кривой чип — закройте книгу. Сдавать явки и пароли я согласна. Вымаливать отпущение грехов мне без надобности.

Но для начала придется заглянуть внутрь той самой темной комнаты.

Потому что пустота звучит поэтично ровно до тех пор, пока с ней не остаешься один на один. Когда вокруг штиль, задач нет, а реальность отказывается давать сдачи, тишина превращается в невыносимую, физическую ломку. Хочется лезть на стену. Процессору позарез

нужно топливо: работа, риск, сопротивление среды, лобовое столкновение — хоть что-нибудь, что заставит шестеренки крутиться.

Добывать искры я научилась виртуозно. Умею взвинчивать злость до состояния броневой снаряд, умею заваливать себя проектами так, что со стороны выгляжу титаном продуктивности с железной волей.

Вот только ни один завоеванный кубок не согревает надолго. За ним немедленно требуется следующий, потом еще один, и так без конца. Можно счесть это ненасытной гордыней.

Мне же иногда просто жизненно необходимо убедиться, что этот мир вокруг вообще существует.

И за этот спектакль приходится платить по очень высокому тарифу.

Глава 2. Чистое электричество: чем питается зверь

Мой главный адреналин — скорость. Даже так: Скорость. С заглавной буквы и без лишних сантиментов.

У других людей для разгона пульса припасен секс, порошки или горы. Последнее меня всегда искренне восхищало: взрослые, вроде бы вменяемые мужики покупают за безумные деньги тонны цветного пластикового снаряжения, прут на себе неподъемные рюкзаки, рискуют околеть от отека легких или сорваться в ледниковую трещину — и все ради того, чтобы постоять на ветру и сделать селфи на каменном пупке планеты. А потом спуститься и немедленно искать гору повыше.

Мне педаль газа понятнее в разы. Когда вдавливаешь ее в коврик, мир моментально перестает притворяться пыльным музеем восковых фигур. Он вытягивается в упругие, светящиеся полосы. Разметка, вспышки мачт освещения, силуэты придорожных деревьев, все это втягивается в узкую воронку перед капотом. В такие секунды я ловлю редкое, почти физиологическое ощущение: черт возьми, я жива.

Стрелка спидометра ложится вправо. Я лечу по трассе, яростно моргаю дальним очередному неповоротливому кроссоверу, который вздумал навечно окопаться в левом ряду и ползет там со скоростью похоронной процессии. Ну давай, милый, еще чуть медленнее. До полной остановки осталось всего ничего.

Они в своих консервных банках непрерывно чего-то боятся: камер, писем счастья, гаишников в кустах, внезапного столба, соседей по потоку, общественного мнения, смерти и, кажется, самой педали газа. Я в эту секунду не боюсь ничего из перечисленного списка. Мне просто хорошо. Руль в пальцах, трасса впереди, а мотор откликается мгновенно и без человеческих фокусов. Нажала — получила ускорение. Качнула руль — сменила траекторию. Красота. Живые люди вокруг меня редко бывают настолько предсказуемыми и честными.

Скорость для меня - это самая чистая форма свободы. Пока машина идет на пределе, у системы нет времени на Пустоту, серую скуку, душное самоедство и прочую муть, которая неизбежно всплывает со дна, стоит миру вокруг затихнуть. Дорога требует предельной концентрации прямо сейчас. Реальность наконец перестает быть статичной заставкой на мониторе.

Я вообще не понимаю популярного обывательского мифа о том, что человек с ДРЛ обязан круглосуточно работать бесчувственным эмоциональным холодильником. Чушь собачья. Эмоции есть, просто комплектация специфическая. У большинства нормальных людей там внутри весь этот приторный сироп из привязанности, умиления, сочувствия, любви и прочей сентиментальной ерунды. У меня там скорее чистое высоковольтное электричество. Азарт преследования, холодная злость, животный кайф от обладания, сухой щелчок победы, когда сложная схема наконец сошлась и то, чего я хотела, например, чужой ресурс, стал моим.

Вот почему я никогда не понимала альпинистов. Ну залез ты на четыре тысячи метров, хлебнул разреженного воздуха, полюбовался чужими брошенными консервными банками на леднике. Потом на пять тысяч. Потом Эверест. И что в сухом остатке? Пара гигабайт фотографий в облаке и воспоминание о том, как тебе было холодно, мокро и тяжело, но зато ты постоял на самой высокой точке планеты.

Свои вершины я предпочитаю брать в твердой валюте. Цифры на банковском счете, ключи от квартиры, новый рычаг давления, контроль над чужими обстоятельствами. Мне нравится, когда взятая высота отлично монетизируется после того, как схлынет первый хмель триумфа.

Очень разумная позиция. Почти идеальная — если вовремя зажмуриться и не вспоминать, что после ночного заезда по пустой трассе у меня тоже не остается ничего, кроме остывающих тормозных дисков и пустого бензобака. Но чужую глупость всегда безумно удобно пре-

парировать с аптекарскими весами в руках. Для собственных закидонов поправки в чертежи вносятся автоматически.

Победа сама по себе штырит не хуже спидометра.

Сначала есть объект или задача, которой я хочу, но которая пока сопротивляется. Сам факт этого сопротивления уже начинает раздражать. Дальше включается тактический режим: разведка, метод тыка, поиск уязвимостей, обходные пути. И когда деталь наконец с глухим стуком встает в паз, по проводам пробегает тот самый разряд. Сделано. Зафиксировано. Теперь это мое.

В компьютерных играх попадают редкие артефакты, ради которых приходится часами ползти на брюхе через половину локации, матеря криворуких разработчиков. Ты ведь любишь не саму кучку цветных пикселей на дисплее. Ты ценишь то, сколько пота ушло на взлом двери, и прекрасно знаешь, какой урон это оружие наносит теперь.

С реальными задачами ровно та же математика. Чем сильнее задача упиралась и чем больше ресурса потребовала, тем слаще секунда, когда она наконец ломается под твоим давлением.

Сложная головоломка умеет засасывать меня с головой. На старте входящих данных слишком много, они путаются и кажутся сплошной кашей. Потом пальцы нащупывают первую неприметную нитку, за ней тянется вторая, информационный мусор отваливается сам собой. Еще полчаса назад ты сидела перед монитором и глухо материлась сквозь зубы, а сейчас чертеж уже кристально прозрачен. И самый восхитительный миг наступает за шаг до финала: стена еще стоит, но ты-то уже знаешь, в какую точку заложена взрывчатка.

Если схема дает сбой, я зверею. Сначала — исключительно на себя. Потому что кто-то в этой комнате только что феерически облажался, а главный подозреваемый неизменно обнаруживается прямо между моими собственными ушами. Значит, не просчитала траекторию. Поспешила. Переоценила свою гениальность.

Последнее бесит сильнее всего. Я искренне люблю считать себя самой умной особью в помещении, и получать практические доказательства того, что акция невиданной щедрости временно закрыта — удовольствие ниже среднего.

Но сидеть и по-женски жалеть себя мне тупо лень. Можно, конечно, устроить красивую трагедию на диване, вот только ошибки от слез почему-то сами не исправляются. Куда практичнее вернуться к исходным данным и методично выяснить, на каком конкретно перекрестке я свернула не туда. Когда пазл начинает собираться заново, злость перестает жечь плату и превращается в великолепное, высокооктановое топливо. На этом дизеле можно пахать сутками: встать, переделать чертеж, зайти с другого фланга и в итоге забрать свой куш.

Жаль только, что не всякая злость поставляется с заводской инструкцией по эксплуатации.

Иногда это просто тупое, бытовое раздражение. Например, когда человеку трижды на пальцах разжевали элементарный алгоритм, а он хлопает коровьими глазами и по четвертому кругу выдает тот же идиотский вопрос. В книжках по осознанности в такие моменты рекомендуют глубоко подышать, вспомнить об уникальности каждой личности и бережно поискать другие слова. Теорию я знаю на отлично. На практике первой мыслью обычно бывает совсем не гуманизм, а желание приложить собеседника чем-нибудь тяжелым.

Мне нравится управлять обстоятельствами. Людями тоже. Выстроить шахматную партию, расставить триггеры, аккуратно дернуть за ниточку и с безопасной дистанции наблюдать, как взрослый человек пришел именно к такому решению и сделал ровно тот выбор, который я для него спроектировала. Особенно приятно, если подопытный искренне бьет себя пяткой в грудь, доказывая, что додумался до всего сам и на него вот вообще никто не влиял.

Правда, иногда мой великий замысел разбивается о чужое тупое «нет». И это очень полезно. Действует, как холодный отрезвляющий душ. Не дает слепо уверовать в собственное

всемогущество. Мания величия дама капризная, ей требуется регулярное техобслуживание, иначе она разрастается до таких масштабов, что перестает пролезать в дверные проемы. А потом может быть очень больно. Уже проверено на практике и не раз.

Главная засада в том, что интерес живет ровно столько, пока среда сопротивляется.

Как только механизм понят, все кнопки подписаны, а финал предсказан на три хода вперед, драйв мгновенно выветривается. Вчера это было дерзким штурмом, сегодня превратилось в конвейер. Польза на месте, деньги каплют, навык отточен, а кайф сдох. Я уже знаю устройство этого замка. И что мне, открывать его в двадцатый раз? Ну нафиг, это уже унылая рутина, в которой азарта не больше, чем в протирании пыли на подоконнике.

Поэтому дружеский совет «Ксюша, ну займись чем-нибудь» вызывает у меня желание убивать.

Спасибо, кэп, без тебя бы не догадалась. Занять руки я могу в любую секунду: сесть за текст, пересортировать терабайты на жестком диске, отдраить кухню до хирургического блеска, накатать список из двадцати задач и потом весь день сладострастно вычеркивать строчки маркером: галочка, галочка, еще одна. Очень продуктивно. А внутри при этом продолжает свербеть все тот же серый, тоскливый зуд.

Скука у меня ощущается на физическом уровне, и тут я не преувеличиваю. Это не фигура речи для драматизма или красного словца. Это больше всего похоже на навязчивый зуд где-то глубоко под ребрами, который невозможно почесать ногтями, но очень хочется. Ты вроде бы сидишь спокойно в удобном кресле, пожара нет, пульс ровный, голова работает в штатном режиме, а внутри становится физически душно. Тишина начинает давить на перепонки, и хочется изо всех сил врезать по этой реальности кулаком, лишь бы она наконец дала сдачи или вообще хоть как-то отреагировала.

Отдых мне частенько навязывают как универсальную таблетку от всех болезней. Устала? Ляг, поспи. Освободился вечер? Отлично! Кайфуй, наслаждайся, расслабься уже наконец! И вот я сижу в пустой комнате, за окном вечер, дел нет и думаю, а чем же, мать вашу, я должна наслаждаться? Временем? Время, если его не утрамбовать плотными задачами, имеет отвратительное свойство превращаться в какую-то бесконечную резину.

Иногда я ловлю себя на глухой зависти к тем, кто способен плюхнуться на диван, включить фоном тупой сериал и искренне растечься по подушкам до утра. Мое тело может быть вымотано в ноль, но башка продолжает крутиться на холостых оборотах, нарезая круги в поисках добычи. Если добычи нет, уровень Пустоты начинает медленно ползти вверх без траурной музыки и театральных жестов. Просто как ледяная вода, которая бесшумно сочится через щели в полу, пока ты делаешь вид, что у тебя всего лишь промокли носки.

Когда эта черная дыра проголодается по-настоящему, шутки заканчиваются.

Скука пережигает предохранители, и наружу вылезает слепая, злая агрессия. Тот самый зверь, скребущий когтями по решетке, которому плевать на правила приличия — ему позарез нужна искра. Если не подбросить ему внешнюю задачу, он начинает с аппетитом примериваться к самой клетке.

И вот тут наступает самый скользкий момент.

Я ведь взрослый человек. Мой рациональный блок никуда не отключается. Я прекрасно вижу расклад: все тихо, выгодно, безопасно. Сиди на заднице ровно, пей чай и радуйся жизни. Но где-то на периферии сознания уже ворочается навязчивая, зудящая мысль: «А что будет, если прямо сейчас со всей дури ткнуть палкой в этот муравейник?».

Логика не спит. Она сидит рядом и с калькулятором в руках рисует мне будущие неприятности в высоком разрешении. Но вторая половина черепной коробки цинично отмахивается: «Плевать, потом разгребем. Зато прямо сейчас в комнате станет шумно». Будущая Ксения — удивительно терпеливая девица, на нее можно повесить тонны долгов. Плохо только то, что рано или поздно она материализуется на пороге с исполнительным листом.

Поэтому мне жизненно необходимы безопасные громоотводы.

Было бы чертовски удобно утвердить постоянный протокол: скорость, бассейн, велосипед до отказа мышц, тяжелый гитарный рифф в наушниках, стрельбище — принимать строго по расписанию при первых признаках серости. Но фокус в том, что кнопка срабатывает не всегда. Иногда проверенное развлечение оставляет тебя абсолютно холодной. А иногда знакомый чуть ли не пинками волочет меня в стрелковый клуб «Объект» за МКАДом, куда я тащилась с кислым лицом и твердой уверенностью, что это пустая трата времени. А потом берешь в руки холодный металл, ловишь сухой щелчок затвора, вдыхаешь пороховую гарь — и понимаешь: мое. Зашло. Поди угадай заранее, какая именно клавиша отзовется звуком.

Химия и вещества в этот реестр не попадут никогда. Цена вопроса слишком идиотская: спустить в унитаз собственные мозги ради пары часов искусственного кайфа — сделка для клинических кретингов. Моя голова может подкидывать мне тонны проблем, но менять единственный надежный рабочий инструмент на мутную синтетическую иллюзию я не собираюсь. Мне важно держать руль самой. Отдать управление чужой таблетке — расписаться в собственной беспомощности.

При этом слово «люблю» я использую без всякого стеснения, отчего у доморощенных психологов в комментариях регулярно случается родительский инфаркт. «Ага! Попалась! Ты же только что вещала, что бесчувственная!». Господи, с кем приходится иметь дело...

Я люблю сочный стейк medium rare. Люблю красивую, дорогую обувь. Люблю скорость, дикую природу, незнакомые города. Мне что, каждый раз писать: «Моя центральная нервная система фиксирует положительное биохимическое подкрепление при потреблении стейка»? Человеческий язык придуман для экономии времени, а не для круглосуточного отчета перед комиссией по этике.

Путешествия действуют мягче трассы, но тоже держат на плаву.

Новая география заставляет глаза работать. Архитектура, чужие повадки, запахи местной кухни, незнакомый транспорт, облупленная табличка на углу, мимо которой коренной житель ходит двадцать лет и в упор ее не видит. Для меня она — новая точка на карте. Мне нравится это ощущение: пока город не превратился в привычный фон, процессор работает с аппетитом.

Стамбул в свое время зацепил именно этим. Турция оказалась куда глубже и злее, чем резервация «все включено», где наши сограждане за неделю благополучно превращаются в продолжение поролонового шезлонга. Мне нужно выйти за ворота. Свернуть в глухой переулок, посмотреть, чем пахнет за углом, поймать смесь жареных каштанов, соли Босфора и едкого дизельного выхлопа паромов. Моя глобальная цель — увидеть всю планету целиком. Посмотрим, у кого раньше кончится ресурс: у глобуса или у моего любопытства.

А в Минск я и вовсе сорвалась с наскока.

Спонтанный щелчок: душно, картинку надо менять немедленно. Билеты в зубы, дорожная сумка на плечо — и в 5:40 утра четырнадцатого июля я уже торчала на перроне Белорусского вокзала в ожидании «Ласточки».

Изначально, естественно, чесались руки рвануть на машине — для меня это привычный формат. Но в тот момент как назло приключился бензиновый кризис. Перспектива выстаивать по три часа в километровых очередях на АЗС ради жалких тридцати литров, а потом гадать, заглохнешь ли ты посреди смоленских лесов, меня как-то не вдохновила. Свобода свободой, а очередь на АЗС способна убить романтику трассы быстрее любого гаишника.

До Минска на поезде около семи часов, большую часть которых я без зазрения совести продрыхла на мягком сиденье. На пути всего пара коротких остановок, Смоленск и Орша, и, к моему удивлению, никакого пограничного контроля. Вышла на перрон в чужой вроде бы стране, но при этом с полным ощущением, что просто сгоняла на выходные в Нижний Новгород или Питер. Забавное ощущение. А еще забавнее, когда вокруг все говорят на чистом русском

языке, но вывески мелькают на незнакомом, но интуитивно понятном наречии, а местную мову ты слышишь разве что при объявлении остановок в метро.

С погодой просто нереально повезло. Москву в те дни заливало холодными ливнями, а Минск встретил настоящим, щедрым летом: градусов двадцать семь, сухо, небо без единой тучки. Я пошла наматывать километры по центру. Вышла к Верхнему городу: Ратуша, желтоватые фасады костелов, строгая гранитная набережная Свислочи, бьющие в зелень фонтаны. К вечеру улицы наполнились каким-то легким, неспешным гулом. Никакой столичной истерики — просто праздник, который никому ничего не навязывает. И люди показались доброжелательными.

Назавтра программа вышла классической: долгий сон, бассейн при гостинице, скрипучий ретро-автобус с экскурсией, тенистые аллеи парков, колесо обозрения, речной катер и снова километры по брусчатке. А к вечеру я добралась до столика в «Литвинах», предусмотрительно забронированного еще со смартфона в Москве.

Хрустящие горячие драники, тяжелые колдуны, томленное мясо. И форшмак — боги, такого форшмака я не ела ни до, ни после. На пару часов вопрос о поиске высшего смысла бытия закрылся сам собой за ненадобностью.

Потом были Несвиж и Мир. Ради этих замков пришлось совершить подвиг: подорваться ни свет ни заря, чтобы успеть на туристический автобус, отходивший от ратуши ровно в 7:40 утра. Для человека, который органически презирает ранние подъемы — поступок на грани святости. Но замки того стоили. Строгая кирпичная кладка, гладь прудов, отражающая башни. По итогу я выставила поездке десять из десяти. Без скидок. Без необходимости кого-то ломать или отвоевывать свое место под солнцем. Мне просто было хорошо.

Морализатор в этом месте обязательно наморщит лоб: «Позвольте! А как же Пустота, внутренний хищник, страшный диагноз ДРЛ и прочая готика? Как все это монтируется с девичей, которая ловит кайф от замков и тарелки с драниками?».

Прекрасно монтируется, не переживайте. Отсутствие эмпатии не атрофирует вкусовые сосочки на языке и не выжигает сетчатку глаз. Мне совершенно не требуется испытывать трепетную любовь ко всему человечеству, чтобы отличить первоклассный ужин от помоев, а красивую архитектуру — от типового спального гетто.

Природу я люблю по той же причине. В ней мне доступно состояние, которое на первый взгляд напрочь перечеркивает половину этой главы — покой.

Старые липы в сквере, темное стекло реки, горные отроги на рассвете. Природе не нужны твои аплодисменты. Ее не требуется обыгрывать в подковерных интригах. Она не выкатывает претензий к качеству твоей душевной организации. Река — потрясающий собеседник: ей глубоко плевать, социопатка ты или мать Тереза.

Это уже потом приходит двуногий предприимчивый строитель, выкорчевывает вековой массив, укатывает все в серый асфальт, а следом продает квартиры в душных человекообразных с наценкой в сорок процентов — просто потому, что из окна виден жалкий клочок уцелевшего парка. Восхитительная бизнес-модель: сначала уничтожить бесплатное, а потом торговать дефицитом. Аплодирую стоя.

Какое-то время я жила в Москве в двух шагах от отличного парка. Уходила туда при малейшей возможности. Могла часами мерить шагами гравийные дорожки или просто тупить на облупленной лавке, глядя, как кленовый лист кружится в воздухе. Никакого азарта. Никакого «жизнь бьет ключом». Просто тишина. Таких моментов у меня в жизни всегда было преступно мало, поэтому я помню каждую скамейку.

Беда лишь в том, что покой нельзя выписать по рецепту. Нельзя сказать себе: «Так, завтра в девятнадцать ноль-ноль я свободна, выдайте мне два часа стабильного умиротворения». Система так не работает. Иногда помогает парк, иногда — ледяная вода в бассейне, сухой жар

сауны, шоссейный велосипед или музыка в ушах на предельной громкости. А иногда не срабатывает ничего. Гарантийный талон забыли положить в коробку при рождении.

Хуже всего то, что абсолютно все имеет свойство приедаться. Любой новый стимул поначалу ослепляет: надо разобрать механику, нащупать баланс, научиться. Потом ты выучиваешь сценарий наизусть. Занятие не становится плохим, но заряд в нем падает до нуля. Вчерашний спасательный круг превращается в пыльный чемодан на антресолях.

С целями — та же подлость. Пока маяк впереди, он забирает тебя без остатка. Ты перекраиваешь график, режешь ненужные контакты, не спишь ночами, отсчитываешь сантиметры до финиша. Весь мир сфокусирован в одной точке. А потом — шелк. Ленточка разорвана. Награда получена.

И начинается самое мерзкое. Праздник длится ровно пять минут. Деньги на счете, ключи в кармане, статус зафиксирован. Но нельзя же сидеть на диване и третью неделю кряду слюнявить одну и ту же мысль: «Какая я молодец, как здорово вышло!». Вышло и вышло. Проехали. А дальше что? И это глухое «дальше» наступает с такой тошнотворной скоростью, что напрочь смазывает всю церемонию триумфа.

Воспоминания в качестве аккумулятора тоже не работают. Минск был прекрасен, и я не стану отказываться от этих слов. Я могу пересмотреть фотографии, вспомнить вкус форшмака и прохладу замковых стен. Только я прямо сейчас сижу в Москве. Воспоминание констатирует факт: тебе было хорошо *тогда*. Спасибо за историческую справку. А с сегодняшним дождливым вторником что прикажете делать?

В такие моменты мир неотвратимо сваливается в текстуры старой компьютерной игры, затертой до дыр еще в школьные годы. Карта открыта на сто процентов. Диалоги выучены до запятой. Тайники вычищены. Все боссы убиты с одной тычки.

Можно, конечно, запустить сюжет по двадцать пятому кругу и добросовестно отыграть правильную героиню. А можно начать ради чистого угара прыгать со скал, агрить дружественных NPC и ломиться в запертые локации — просто чтобы проверить, не треснут ли скрипты. В игре любой косяк лечится быстрой загрузкой сейва. В реальной жизни разработчики кнопку F9 предусмотреть забыли.

В общении с людьми эта тяга сломать декорации выглядит особенно паскудно. Пока человек для меня нов, я с азартом препарирую его реакции, нащупываю границы дозволенного, и процесс меня греет. Потом его поведение становится прозрачным, как стекло. Он доволен, он расслаблен, между нами тишь да гладь. Для него это идеальная дружба или стабильные отношения. А у меня внутри начинает зудеть дурацкий импульс: взять и швырнуть булыжник в эту стоячую воду. Просто чтобы посмотреть, как пойдут круги.

Далеко не каждая такая мысль доходит до дела - я все-таки не клиническая идиотка, чтобы осознанно взрывать под собой фундамент. Но чужой потенциальный дискомфорт сам по себе мое любопытство не глушит. Приходится срочно включать калькулятор: этот объект мне дорог, последствия обойдутся в копеечку, профит копеечный, игра не стоит свеч. Очень высокоморальная основа для человеческих связей, знаю.

Хотя... давайте начистоту: перестаньте делать вид, как будто этот зуд — исключительно моя психопатическая экзотика.

Что вы сами делаете, когда вас накрывает серая тоска? Ни разу не лезли в комментарии под токсичным постом, заранее зная, что через две минуты будете плевать ядом? Не тянули за хвост дохлый спор, потерявший всякий смысл еще вчера? Не цепляли близких по ничтожным поводам ради бодрого скандала на кухне, а через час не жаловались подругам на тяжелую атмосферу?

Если все читающие эти строки — просветленные буддисты, круглосуточно медитирующие на цветущую сакуру, я искренне снимаю шляпу. Вы явно ошиблись книжной полкой.

Чужая драма — товар невероятно ходовой. Эмоции в ней бурлят натуральные, шишки и синяки достаются участникам банкета, а сытый зритель на диване бесплатно получает сочный контент, азарт и повод почесать собственное превосходство. И все это, разумеется, подается под соусом священной борьбы за справедливость. Именно поэтому, когда очередной медийный скандал затухает, толпа с собачьим лаем бросается искать свежую кровь с такой скоростью, что справедливость не успевает даже надеть штаны.

Мне безумно удобно над этим глумиться.

Современный сытый обыватель сидит в теплой бетонной коробке, набитой благами цивилизации под завязку. В кармане лежит плоский стеклянный кирпич, через который можно за секунду получить доступ ко всей мировой библиотеке, музыке, кино, доставке горячей пиццы, сексу и чужим истерикам в прямом эфире. И это чудо эволюции сидит на диване и уныло цедит: «Что-то мне скучно...». Римский цезарь за десятую долю таких опций отдал бы половину провинций, а вам, видите ли, скорость интернета в лифте не нравится.

А потом я бью себя по рукам. Потому что у меня на руках ровно те же козыри: интересные проекты, поездки, ночная скорость, спорт, деньги, умные люди рядом и способность стенировать движуху на ровном месте. И точно так же наступают дни, когда ни одна из этих шестеренок не дает тока. Презирать чужой скроллинг ленты легко, но записывать себя в титаны осознанности — дешевый понт. Моя персональная скука просто обходится мне дороже по чеку.

Со стороны всю эту суету легко перепутать с абсолютной внутренней свободой. Захотела — сорвалась в Минск. Надоело — закрыла проект. Кто-то косо посмотрел — его личные половые трудности. Картинка красивая.

Вот только за этой витриной прячется неприятный парадокс: я свободна выбирать следующий поворот руля, но я категорически не умею стоять на обочине с выключенным двигателем.

Пока в навигаторе вбит маршрут — все под контролем. Стоит стереть точку финиша, как Пустота уже материализуется в кресле напротив и вежливо заглядывает в глаза: «Ну что, поиграли в нормальную? Поговорим?». На редкость навязчивая дама. Следит, чтобы я не расслаблялась.

Поэтому работа, амбиции и гонка за результатами для меня давно перестали быть историей про успешный успех. Да, я честолюбива, люблю забирать призы и терпеть не могу проигрывать. Но под этой яркой неоновой вывеской работает банальный предохранитель — пока мой процессор трудится на полных оборотах, зверь занят делом и не грызет прутья клетки. Агрессия переплавляется в результат. А шанс разнести собственную жизнь на куски ради минутной вспышки искры падает до нуля.

Агрессия похожа на высоковольтную дугу. Ее можно загнать в силовую кабель, поставить трансформаторы — и она будет крутить станки и освещать цеха. Рекламный буклет о силе воли выйдет на загляденье. Но у высокого напряжения есть мерзкое свойство: сунешься не туда — обуглит до костей тем же самым током. И сказка про железную Ксению закончится в первой попавшейся канаве.

Я отлично отдаю себе отчет в том, что произойдет, если я однажды брошу поводок и позволю зверю выбирать маршрут вслепую. Казенные коридоры с решетками на окнах меня не прельщают ни на грош. Перспектива потерять автономию и подарить лучшие годы государству ради пяти ярких, незабываемых минут, это худшая финансовая инвестиция из всех возможных. Да и помирать молодой я не планирую.

Поэтому мое «нельзя» держится вовсе не на благочестивой мысли о том, что правильные девочки так себя не ведут. На правильных девочек мне начхать. Мой забор сколочен из куда более прагматичных досок: риски, издержки, последствия и то, что я категорически не намерена терять.

Иногда этого внутреннего расчета хватает сразу. Иногда приходится стискивать зубы так, что эмаль трещит, и тупо переживать, пока радиационный фон внутри черепа не вернется в зеленую зону.

Со стороны в такие секунды вообще ничего не происходит. Просто симпатичная девушка на секунду замолчала, ровно посмотрела на собеседника и спокойно пошла дальше по коридору. Человек видит воспитанную студентку, которая умеет держать лицо. Может, даже мысленно ставит плюсик моей выдержке.

Ну и пусть ставит. Ему так спокойнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.